

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
Камчатский край
2022-2023 учебный год

9 класс

ЗАДАНИЯ

Уважаемый участник олимпиады!

Время выполнения заданий олимпиады – 4 часа 30 минут (270 минут).

Вам предстоит выполнить два задания. Максимальное количество баллов за аналитическое задание № 1 – 70, максимальное количество баллов за творческое задание № 2 – 30.

Задание считается выполненным, если Вы вовремя сдаете его членам жюри.

Максимальная оценка – 100 баллов.

Аналитическое задание № 1

Максимальное количество баллов за задание – 70

Выберите для аналитической работы из представленных ниже прозаический (В. Казакевич «Дача») **ИЛИ** поэтический текст (А. Кушнер «Велосипедные прогулки»).

Произведите его анализ в соответствии с предложенными направлениями и изложите содержание в связном письменном тексте. Пишите свободно, понятно, доказательно, связно и грамотно. Рекомендуемый объём – 350-450 слов.

Задание к прозаическому тексту

Выполните целостный анализ рассказа Вячеслава Казакевича¹. При анализе рассказа примите во внимание следующие особенности его содержания и формы:

- особенности повествовательной и субъектной структуры рассказа (Как в ней раскрывается индивидуальность рассказчика и система авторских оценок? Какие особенности создают образ центрального персонажа? Какие мотивы организуют его образ?);

- особенности пространственной структуры текста (Как встроена в окружающее пространство дача? Какие детали описания наиболее значимы для проведения сопоставления с «райским садом?»);

- тема писательского труда в рассказе;

- тема времени в рассказе;

- назначение стихотворных фрагментов в начале и конце рассказа.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Сопоставьте этот рассказ с известными вам произведениями других писателей, имеющими сходную тематику.

¹ Вячеслав Казакевич — русский писатель и поэт, член Союза Писателей (с 1989 года), лауреат премии имени М. Горького за лучшую первую книгу. Окончил Ленинградское Высшее военно-политическое училище, служил в армии замполитом роты. С 1974 по 1979 годы учился на филологическом факультете МГУ, окончил отделение русского языка и литературы. С 1993 года живет в Японии. Постоянный автор журнала «Знамя».

Вячеслав Казакевич «Дача» (рассказ)

*Дуб зеленый на поляне
Стоит, как в розовом тумане,
И в ветвях его горит
Мысль!*

Это стихотворение мой друг Илья сочинил на даче во Внукове дошкольником. Перед дачей действительно лежала поляна. Дерево на поляне и вправду зеленело. Что касается розового тумана, то сейчас, спустя тысячу лет после той жизни, он заполняет всю тогдашнюю Москву и Подмосковье.

Одни литераторы состоят из угрюмости, другие — из цитат, третьи — из бороды, четвертые — из сплетен. Илья целиком состоял из артистизма. Его длинные темные волосы торчали в хаотическом беспорядке, будто никогда не подпускали к себе ножниц и расчесок. При этом в них была такая же живописная соразмерность, как в любом облаке. И как всякое облако к лицу небу, так невиданная прическа шла Илье. Был он настолько худ, что казалось, будто под одеждой у него нет ничего, кроме воздуха. Карие глаза, смотревшие на всех с подозрительностью, а может, с робостью, выглядели нечеловечески большими.

Страхивал ли он с сигареты пепел или отламывал хлеб, откидывался на стуле или возбужденно вскакивал — в каждом его движении было что-то художественное. Художественности в нем был такой избыток, что она выплескивалась даже на вещи, с которыми он соприкасался. Граненый стакан в его руке возносился в воздух с изяществом тонкого бокала, спичка превращалась в огненную бабочку и выдвигалась над столом пируэты.

Гостей он принимал в парчовом халате. О, в такой халат мог кутаться Гарун-аль-Рашид или граф Лев Толстой, не надумавший еще опрощаться! Однако не халат, выдававший при ближайшем рассмотрении свой преклонный возраст, придавал Илье эффектность, это он сообщал ее халату.

Кроме чудесного халата, у Ильи были магические способности. Время от времени у него в воображении возникал некий женский образ. Вслед за тем незнакомка встречалась ему наяву. Проще говоря, он материализовывал и принимал в объятия духов женского пола. Воплощение в кровь и плоть очередного призрака произошло на моих глазах.

— Вижу рядом с собой брюнетку! — поведал Илья, разведясь с первой женой. — Восточная женщина!

Сочинив сценарий для кино, он укатил на съемки в Грузию.

— Помнишь брюнетку? — раздалось в телефонной трубке. — Нашлась!

В Москву он прилетел с изящной темноволосой грузинкой. Была она художницей и дочерью министра авиации. В квартире у Ильи появились тапочки, не состоявшие ни в каком родстве с советскими шлепанцами. Их крючковатые, позолоченные носы загибались в «Тысячу и одну ночь». Стояли они не на полу, а в вертикальном положении на трюмо.

— По стенам ходишь? — поинтересовался я у друга.

— Ты что?! — возмутился он. — Это Параджанов нам на свадьбу подарил. Знаешь, чьи они? Лили Брик!

После свадьбы восточная гурия отбыла на родину отправлять в Москву свое имущество. Илья любовался поочередно прибывающими коврами, фарфором, бронзой... Но однажды воскликнул: «Вижу рядом с собой медовую шатенку!».

Когда грузинка вернулась, у Ильи обитала уже другая художница: рыжеватая Елена, работавшая в одном из московских театров. Кавказское приданое пустилось в обратный путь.

— Тапочек жаль, — сокрушался Илья. — Музейная вещь! Я знаю!

* * *

Чуть наступало лето, Илья звал нас на дачу во Внуково. Он заезжал за нами на стареньком «Запорожце». Немецкая овчарка Юста скалилась справа от него. Елена и мы с

женой размещались сзади. Водил машину он с той же броской экстравагантностью, с которой делал любое дело. Чем больше он вдавливал в пол педаль газа, тем меньше обращал внимания на дорогу. Разговорчивость Ильи росла вместе со скоростью машины. Жестикулируя и ревниво следя за тем, какое впечатление производят его слова, он бросал баранку и поворачивался к нам.

— ГАИ! — оповещал я.

Взлохмаченная голова поворачивалась к лобовому стеклу быстрее туловища. Руки вцеплялись в руль. ГАИ наводила на Илью мистический ужас.

— Смотрим в другую сторону! — командовал он, и мы отворачивались от обочины, где желтела милицейская машина. — Юста, башку поверни! — стонал он.

Илья верил: если не смотреть на милиционеров, они не остановят. И точно, нас никогда не останавливали. Возможно, гаишники, увидев летящую во весь опор колымагу, в которой пять голов, включая собачью, повернуты в противоположную от них сторону, сами зачарованно переводили взгляд туда же, куда и мы.

Полгектара тенистого подмосковного леса — вот что такое была дача моего друга. Большую поляну оттенял не дуб, а маньчжурский клен, привезенный дедом Ильи, полковником медслужбы, с Дальнего Востока.

— Воздух, чувствуете, какой?! — с гордостью восклицал Илья, торопливо доставая сигарету.

Воздух и вправду был головокружительно чист и свеж. Сосны захватывали глаза. Кругом торчали сорняки всех видов и расцветок. Крапива возвышалась целыми материками. Странно было встречать тут следы человеческого труда: крохотный, в одну-две грядки, огородик, цветочную клумбу, огороженную сплетенными сухими ветками, куст смородины.

Фамильные владения Ильи наводили на мысль о «Книге джунглей» Киплинга, в которую случайно угодило несколько страниц из брошюры «Сад и огород». Но в смеси запущенности и мимолетной ухоженности, отличавшей участок, тоже был какой-то небрежный артистизм.

Пахло сиренью и Гайдаром. Дятел, как пионер, выколачивал из сосны барабанную дробь. Мы углублялись в дачный участок, будто в историю Советского Союза. Выплывавшие из зарослей ржавая бочка душа, замшелый туалет с висевшей на одной петле дверью, влачивший серое существование покосившийся заборчик — все говорило о людях, которые собирались превратить землю в сад, но одолеть русскую крапиву и чертополох не смогли.

Стар и неказист был и деревянный одноэтажный дом. Допотопный революционный аскетизм доживал свой век в разошедшихся потемневших стенах, в незамысловатой веранде с выцветшими радужными стеклами, в хлипких ставнях.

Ключ от дачи искали, как в сказке. Из-под ступенек крылечка Илья выкатывал валун, извлекал скрывавшуюся под ним металлическую коробочку и с натугой отдирали ее крышку.

На веранде круглел стол, колыхались тени деревьев, одутловато светился самовар. Над диваном висел коврик с побитым молью оленем. Справа по коридору была комната побольше, слева — поменьше. Потом располагалась кухня и еще одна комнатка.

— Чур, я тут! — открывал Илья большую комнату и, спохватившись, извиняющимся тоном добавлял, что привык в ней писать. — А вы напротив!

Первым делом занимались установкой водяного насоса, снятого на зиму. Терзая насос гаечным ключом, мой друг заодно посвящал меня в прошлое дачного поселка. Дачи появились во Внукове еще до войны и предназначались для совслужащих высокого ранга.

— Сплошь, конечно, евреи! — понижал голос Илья.

Но к 45-му году стараниями НКВД многие дачи опустели и были подарены прибывшим с войны боевым генералам и офицерам.

* * *

С победным криком насос был приведен в действие. Илья доверху наполнил подземной водой цинковое корыто и утопил в нем бутылки с пивом. В притихшей воде четко отразилась зеленая лапа сосны. Темные бутылки «Жигулевского» росли, казалось, прямо на сосновой ветке.

— Полный сюр! — задумчиво сказал мой друг.

Мы отправились за дровами к приютившейся на краю участка будке. Я люблю заброшенные постройки. Никогда не знаешь, что тебя ждет в ветхом сарае или амбаре.

За порогом будки лежало закатное солнце и дохлый шмель, в которого Илья с подозрением взгляделся, а потом щепкой выпроводил наружу. Среди хлама на полке тяжелели жестяные банки.

— Краска! — погладил ближайшую жестянку Илья. — Мать просила веранду покрасить. Поможете? — тревожно спросил он.

Под ногами нескольких возвышенных сосен нашелся покрытый мхом стол. В папоротниках темнела впадина, наполненная золой и обложенная кирпичами. Заполнив ее сухими ветками, мы набросали сверху дрова и разожгли костер.

— Опять дым к соседям, — определил Илья. — А они носы морщат. Но при чем тут я? Пусть с ветром разбираются! Были бы деньги, обнес бы участок забором метра в два высотой. А лучше в три!

* * *

Когда я открыл глаза, передо мной был ослепительный рассвет и почтенного возраста этажерка. На этажерке обитал рассыпающийся Сетон-Томпсон со своими потрепанными зверями. По соседству резонно обосновался ветхий «Юный натуралист». Дальше — книги о путешествиях, такие пыльные, будто и вправду обошли полсвета. «Бабушка покупала для внука», — решил я и представил маленького Илью, погрузившегося в диван, на котором удобнее всего посещать далекие страны.

Я вышел из дома. На сосне висел рукомойник. Гвоздь, которым он был приколот к стволу, зарос корой. Казалось, сосна так и родилась с рукомойником на груди. Пчелы переговаривались над укывшейся в сирени машиной. На ее крыше лежали еловая шишка и листья. Багажник обмеряли муравьи. Вид у машины был слегка ошеломленный.

Обмахиваясь пестрым крылом шали, появилась Елена, и жизнь приобрела театральность. На веранде в керамическом блюде стали плавать розы с отрезанными стеблями. Калитку украсил венок из желтых одуванчиков. Между двумя соснами закачался гамак. Под иноземным кленом встал столик. Плетеные кресла, застыв в траве, уверяли нас, что самое полезное для здоровья — сидеть, закинув ногу на ногу и не помышляя ни о чем другом.

Вместо тоски, которой классики заражали своих дачников, мы чувствовали тихую радость. Весело было собирать твердые шершавые шишки, отделять тупым топориком от доски стружки и лучинки и, набив ими медные внутренности, разжигать и раздувать самовар.

Илья проснулся к полудню. Он вышел на двор, всклокоченный более обычного, с кружкой кофе в руках.

— Извиняюсь, никому не дам! — сразу предупредил он. — Кофе одна щепотка.

— А мне? — томно протянула Елена.

Он, смакуя, сделал большой глоток и на всякий случай отошел в сторонку:

— Не, Ленка, не могу! Ты ж знаешь, без кофе я не человек!

* * *

На даче Илья собирался приступить к большому роману. Ностальгически он вспоминал, с каким полетом записывал свои первые рассказы. Писать мой друг начал в палате для алкоголиков, куда угодил после исключения из института. Узнав номер телефона известного прозаика Т., он смело позвонил ему прямо из клиники.

— Кто это говорит? — буркнул Т.

— Илюша, — привычно откликнулся Илья.

Т. так поразился детскому ответу, что пригласил начинающего автора к себе домой. Рукопись ему понравилась и была опубликована с его лестным предисловием.

Но почему-то после выписки Ильи из больницы рассказы перестали появляться сами собой, с непринужденностью весенней листвы и облаков. Теперь в поисках былой легкости и естественности одну и ту же фразу приходилось складывать несколько дней, а порой недель, то сокращая ее, то удлиняя, перетасовывая слова, бормоча их вслух, перепечатывая на машинке. Писание прозы оказалось долгим и изнурительным занятием.

— Не люблю писать, — признавался Илья нам. — Люблю быть писателем!

Елену такие слова сердили. Она хотела, чтобы ее супруг был настоящим трудолюбивым прозаиком. А я любовался другом. В любом его жесте было больше искусства, чем во всей секции прозы СП СССР.

Поболтав с нами о том о сем, он торопливо бросал: «Ладно! Надо работать!» — и, не расставаясь с чашкой кофе, начинал слоняться по участку.

— Настраивается, — сочувственно вздыхала Елена.

Нагулявшись, он возвращался и завистливо спрашивал:

— Чай пьете?

— И варенье едим! — с удовольствием отвечал я.

— Вкусное? — недоверчиво интересовался Илья и опускался в кресло. — Попробую и я ложечку!

Отведав варенья, а заодно и сыра с хлебом, он со вкусом закуривал и включался в общую беседу.

— Все! Пошел писать! — решительно заявлял он через час. — Когда будем красить? — останавливался у веранды.

Не получив ответа, он расстроено скрывался в доме, и тут все начинали ему мешать. С проклятиями он выталкивал на двор Юсту:

— Лежит и зевает!

Через минуту занавеска на окне отлетала в сторону, и из форточки вырастала растрепанная голова.

— Ленка! — свирепо зывал Илья. — Ты что, не слышишь? К нам под дом соседская кошка залезла. И мяучит!

Елена бежала разбираться с кошкой, а Илья тем временем выскакивал на крыльцо и махал кулаком медленно и оглушительно проплывающему над крышей самолету.

— Искупнуться, что ли? — доносился до нас голос отчаяния.

* * *

Просекой, уставленной столбами солнечного света, мы отправлялись на пруд. Трава под ногами была такой первозданности, будто где-то висел дорожный знак, разрешающий движение по просеке только гусеницам, муравьям и божьим коровкам.

Отвлечшись от романа, Илья снова приходил в хорошее настроение.

— Тут заместитель Генерального прокурора жил, — показывал он на лужайку, на которой виднелся деревянный двойник нашего домика. — Рядом — главный редактор «Огонька», с дедом в шашки играли... Там — генерал-полковник КГБ, вечно грядки поливал...

Перед глазами вставали туманные значительные особы, которые когда-то приезжали сюда в конце рабочей недели, меняли тяжелые мундиры на полосатые пижамы, сапоги — на сандалии, фуражки и каменные шляпы — на соломенные брыли, протоколы — на лопухи и подорожники, марксизм-ленинизм — на огурцы со сметаной, вопрос «быть или не быть?» — на «забыть».

На одном участке вместо старозаветного казенного домишки краснел обширный кирпичный особняк.

— Новые русские землю скупают, — объяснил Илья.

На пруду мы сели на мостки и погрузили ноги в искры и прохладу.

— Как по-английски «крючок»? — спросил Илья.

— Hook, — ответил я. — Зачем тебе?

— Скоро в Данию поедem, у Ленки выставка. Хочу там крючки купить.

Выросший в Москве и на подмосковной даче, разгуливающий в парчовом халате, мой друг обожал дикую природу, был страстным рыболовом и жалел, что настоящая рыбалка открывается ему лишь в охотничьих книгах.

— Не могу я на даче писать, — взбаламутил он ногой воду и принялся вслух мечтать, как продаст дачу, купит на Севере избу и будет жить, окруженный непроходимыми лесами, бездонными реками, неохватными рыбами.

* * *

На станции за щелястым прилавком бабули грустно и жадно мечтали о покупателях. Мы набирали редиски и укропа, картофеля с детской кожицей, крепкоголового чесноку и прочих огородных ископаемых, которые в отличие от магазинных, без роду-племени овощей пахли деревней и теплой землей.

На Илью нападала страсть к кашеварству. Он принимался готовить еду с таким азартом, что у всех текли слюнки. Его замашки прирожденного шеф-повара заставляли нас с удовольствием превращаться в услужливых и беспрекословных поварят. Стоило Илье скомандовать, как с блеском появлялась вода, начинал стрелять костер, нож гулял по точильному камню.

Коронным его блюдом был плов. Широкими взмахами он, словно старатель золотой песок, промывал в тазу рис. На костер водружался необъятный, принадлежавший раньше, может быть, самому Челубею, закоптелый казан, в который набулькивалось чуть ли не пол-литра подсолнечного масла.

— Хлебнем сухенького! — между делом провозглашал Илья и широким жестом щедро наполнял вином сразу четыре стакана.

В разгоряченное масло валились жирные куски баранины, сыпались серебряные кольца лука, кораллы порезанной моркови. Последней падала тяжелая и влажная лавина риса, уснащаемая редкостными пряностями типа барбариса и шафрана. Сверху впечатывались неочищенные головки чеснока.

— Главное, — размахивал повар тесаком, — все резать крупно! Или совсем не резать... Я знаю!

Когда от котла отрывали крышку, на свет вырывался такой неопиcуемый аромат, что ничего другого в мире не оставалось.

— Когда будем веранду красить? — укоризненно вспоминал Илья, принимаясь за свою тарелку.

Но мы с набитыми ртами не могли ему ответить.

* * *

В дачном кинотеатрике крутили почему-то сплошь французские ленты. Со стрекотом вспыхивали Эйфелева башня, Триумфальная арка. В лесу под Внуковым они поражали и изумляли, как видение чего-то давно исчезнувшего и полузабытого.

После сеанса киномеханик выносил на улицу грубую жестяную коробку, в которой покоилась только что показанная лента. Все вставало на свои места. Воздух омрачали летучие мыши. Из земли лезли мухоморы и березы. В светлом еще небе разгорался месяц. А никакого Парижа не существовало: была лишь побитая коробка с киноленткой.

— Денег не осталось, — трагически сообщала Елена, — еды тоже.

— Надо гостей приглашать! — откликнулся Илья.

— Приезжай на дачу, — гостеприимно зазывал он по телефону невидимых собеседников. — Тут такой воздух! Только, слышь, есть у нас нечего.

— А вино они сами привезут! — уверял он меня. — Кто на природу без выпивки выбирается?!

Гости привозили закуски, бутылки и новости. Городским новостям мы внимали с особенным удовольствием: так дети, забившись под одеяло и чувствуя себя в полной безопасности, слушают страшные истории.

Заняв у гостей денег, мы провожали их и со вздохом облегчения погружались в прежнюю тихую жизнь. Любо-дорого было завалиться в гамак с толстой Агатой Кристи в руках, чувствуя, как тени ветвей нежно гладят твой лоб.

— Когда будем веранду... — взлохмачивал волосы Илья, но тут же забывал о вопросе, осененный мыслью, что нам вдвоем надо сочинить киносценарий. — На рассказах, а тем более стихах, не разбогатеешь!

С легкостью мы начинали выдумывать какой-нибудь супербоевик, на который должна была повалить вся страна, и Илья, возбужденно блуждая между соснами, громко подсчитывал миллионные прибыли прокатчиков и проценты, полагающиеся нам. Попав в крапиву, он вскрикивал, выносил из сарая клювастую ржавую косу и широким фольклорным взмахом вгонял ее прямиком в землю.

Я с улыбкой думал, что мой друг — полный шизофреник, как все литераторы. Себя я относил к счастливому исключению из правил. Велико же оказалось мое удивление, когда Елена проговорила, что Илья тоже абсолютно уверен в моей ненормальности. И диагноз он как внук медика поставил мне более мудреный, чем расхожая шизофрения.

— Циклотимия! — без запинки вспомнила Елена.

Раскрыв жуткую медицинскую энциклопедию, моя жена, с любопытством косясь на меня, прочитала, что циклотимия — смягченная форма маниакально-депрессивного психоза.

* * *

Оконные стекла от ливня становились толще. Какой туман белел за кустами! Вместо машины стояло четырехколесное облако.

— Да, сегодня не покрасишь! — определял Илья и выносил на веранду резную шкатулку и колоду карт. — Сразимся в покер?

Никто, кроме него, раньше в покер не играл. Путано изложив правила игры, он открыл шкатулку, набитую дальневосточными сердоликами, и отсыпал каждому из нас по горстке камешков. Сердолики заменяли деньги и были, конечно, несравненно лучше денег. Гладкие, красновато-желтые, они увесисто и значительно падали на стол.

— Стрит! Флеш! Каре! — со вкусом произносили мы звучные слова.

Хотя наперед было известно, что после покера сердолики вернутся обратно в шкатулку, приятно было выигрывать чужие камешки, забавляясь своей невольной жадностью. Но обычно выигрывал Илья. Стоило ему начать проигрывать, как он вспоминал, что неправильно объяснил правила игры, и менял их в свою пользу. «Я знаю!» — разносилось по веранде, и Юста приподнимала уши.

* * *

После дождя лес будто вложили в стеклянные ножны. Утром с охранником приехал толстый человек договариваться о покупке дачи. Толстяк ходил вокруг дома, стучал пальцем по рукомоинику, дергал гамак, хлопал ладонью по соснам. Охранник бдительно оглядывался на шорох каждой падающей шишки.

«Дурак ты, дурак!» — с жалостью думал я о друге, продающем росу, воспоминания детства, призраков семьи.

— Надо еще торговаться! — обронил Илья, закрыв за пришельцами калитку и потирая лоб. — Веранду не покрасили! — вскричал он внезапно, и все застыли. — А зачем красить? — задумчиво продолжил он. — Если продам дачу, дом снесут и новый отгрохают!

Замечая под ногами каждый упавший лист, каждый засохший стебель, я шел в сарай за дровами, набирал из колонки воду. «Вот уезжаем!» — вертелось на языке, и я знал, что в

этих словах есть что-то виноватое. Глубокомысленный клен и крапива взирали на меня молча и снисходительно.

Юста вытащила откуда-то разукрашенный паутиной провод и с рычанием стала его глотать.

— Когда последний раз кормили собаку? — спросил Илья. — Это же переносная лампа. Я ее месяц ищу... Сегодня пируем со светом!

В потемках в лесу над столом вспыхнул свет. Лампочка среди зарослей горела так, будто угодила в палеозойскую эру. Красноречиво говорил костер, дым стелился к соседям.

Читали стихи, говорили о прошлом и будущем. Чувствовалось, что Илье страшновато продавать дачу. Но он еще жарче и увереннее говорил о покупке избы на Севере, где будет коптить жирных рыб, внимать мудрым крестьянским речам, взъерошивать волосы над рукописями.

Кончились дрова. Илья уверенно направился к недалекому заборчику и с треском выломал из него несколько досок.

— Что-то лампочка странно горит! — заметила Елена.

Действительно, лампочка сияла изо всех сил, но ничего вокруг не освещала.

— Это же утро наступило! — ахнула моя жена.

* * *

Советского Союза не стало. Илья привез из Дании крючки, а мне в подарок — антикварный барометр. После поездки он начал видеть рядом с собой новую женщину и развелся с Еленой. Но все это уже не занимало меня.

Незаметно я остыл к своему другу. Что-то легкое и веселое ушло от всех нас вместе с дачной безмятежностью. Мы стали редко видеться с Ильей. То, что раньше меня в нем трогало, вызывало сейчас почти раздражение.

— Спасай, брат! — бледный, с испариной на лбу подошел он однажды к моему столику в ресторане клуба писателей.

— В запое? — покривившись, спросил я.

— Ага. Волны ходят по телу!

Я плеснул в рюмку водки. Илья протянул трясущуюся руку. «Распад!» — неприязненно подумал я, не сознавая, что, когда все рушится, в гармонии с бытием пребывает не тот, кто пытается выстоять, а тот, кто распадается.

Под хмельком был Илья и в нашу последнюю встречу. С ним жила особа в размашисто порванном чулке, тоже слегка нетрезвая и с младенцем на руках. «Вот кто теперь в его фантазиях рождается!» — мелькнуло у меня. Полкомнаты занимала чудовищной величины незнакомая собака, похожая на белого медведя.

— Это еще что за бред? — хмыкнул я.

— Это водолаз! — обиделся Илья.

Но и водолаз уже не мог спасти утонувшее прошлое.

Мы с женой на долгие годы уехали в Японию. Иногда вспоминали лето во Внукове, гадали, что с Ильей. Но ничего о нем не было известно. Лишь сев за эти заметки, я обзвонил московских знакомых и с трудом раздобыл его адрес. Адрес оказался электронным.

И вот мне пришел ответный e-mail.

* * *

«Здравствуй, дорогой мой друг! Очень рад. Все эти годы ты, конечно, существовал в моей душе.

Я не пью. Дачу во Внукове давно продал и купил избу в вологодской деревне. И это было отдушиной: там как раз природа. Но сейчас в деревне настолько все обеднело, все спилилось и заворовалось, что сил смотреть на все это у меня больше нет. Я продал избу.

Что вокруг хорошего? Да представляешь, ничего не могу назвать. Но с другой стороны, лично у меня и у некоторых других людей все в общем-то неплохо. Это странно, что мне лично жаловаться не на что.

Много путешествую. Одно путешествие ты оценишь: был в Испании, купил форд-кабриолет и с откинутым верхом проехался от Гибралтара до Москвы.

Я думаю, внешнего мира здесь больше нет, есть только внутренний. Литературная жизнь умерла, а писатели остались и что-то пишут. Я пишу роман под названием «Вересковая лощина» или, может быть, «Гиацинты во льдах». Но вообще-то я еще не знаю, о чем этот роман. Вот поеду на дачу и буду там писать.

Часто бываю в Дублине, окончил там языковую школу, занимаюсь на курсах банковским делом. Как-нибудь после напишу о моей личной жизни, откуда деньги и т. д. Все тут просто, но сейчас неохота об этом говорить.

В августе, как обычно, буду в Швеции. Дача у меня как раз там: два дома — большой и гостевой, две лодки, спутниковая антенна, баня с прекрасным предбанником и камином, все удобства, компьютер, лес, озеро — берег мой. Городок со всеми магазинами в 7 км. Тишина и никого нет. Даже дорога к дому частная. По-шведски я не говорю и не понимаю, но шведы мне как-то и не нужны. Просто тут покой, можно ловить форелей и хариусов. Словом, можно начинать жить или умирать. Всегда жду вас. Твой И.».

* * *

В моей тоямской квартире висит барометр, перебравшийся из Дании в Россию, а из России в Японию. Погода в Тояма бывает четырех видов: дождь, снег, дождь со снегом и снег с дождем. Но мой барометр всегда показывает погоду, которая стоит не здесь и не сейчас. Смотрю на тонкую блестящую стрелку, на медную окантовку корпуса, и передо мной вспыхивает солнечный луч, вырастают чеканные красноватые стволы, в легкие входит воздух подмосковного леса.

А вон и старый знакомый — маньчжурский клен, в ветвях которого по-прежнему горит мысль. Она пылает так нестерпимо ярко, что от нее, как от всякой пламенной мысли, невольно отворачиваешься.

— Слушай, — подойдя к машине, оборачивается Илья ко мне. — Я еще стих сложил. Только ты не смейся!

Мы выйдем в сад. А там уж осень.

Траву с тобою вместе скосим.

И разойдемся по углам,

Ты будешь здесь, я буду там.

Не знающий еще ни английского языка, ни банковского дела, всезнающий воздушный человек беспокойно глядит на меня.

— Блеск! — чистосердечно говорю я.

Журнал «Знамя» 12, 2017

Задание к поэтическому тексту

Выполните целостный анализ произведения Александра Кушнера² «Велосипедные прогулки» из книги стихов «Десята» («Десятилетие»)³. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы:

- визуальный ряд стихотворения (с какой картиной он связан?), предметная детализация и ее функции в создании художественного пространства;
- специфика построения звуковой и световой партитуры стихотворения;
- поэтика времени в стихотворении;
- субъектный строй стихотворения.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Кушнер

Велосипедные прогулки

Велосипедные прогулки!
Шмели и пекло на проселке.
И солнце, яркое на втулке,
Подлеповатое — на елке.

И свист, и скрип, и скрежетанье
Из всех кустов, со всех травинок,
Колес приятное мельканье
И блеск от крылышек и спинок.

Какой высокий зной палящий!
Как этот полдень долго длится!
И свет, и мгла, и тени в чаще,
И даль, и не с кем поделиться.

Есть наслаждение дорогой
Еще в том смысле, самом узком,
Что связан с пылью, и морокой,
И каждым склоном, каждым спуском.

Кто с сатаной по переулку
Гулял в старинном переплете,
Велосипедную прогулку
Имел в виду иль что-то вроде.

Где время? Съехав на запястье,
На ремешке стоит постыдно.
Жара. А если это счастье,
То где конец ему? Не видно.

1966

² Александр Кушнер (род. 14 сентября 1936, Ленинград) — русский советский и российский поэт, эссеист. Автор около 50 книг стихов (в том числе для детей) и ряда эссе и статей о классической и современной русской поэзии, собранных в семи книгах. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1995).

³ Александр Кушнер: «Книга стихов дает возможность поэту, в обход эпического жанра, поэмы, повествовательного сюжета, — создать целостную картину мира из осколков ежедневных впечатлений. Книга стихов — это пылающий кусок жизни, отчет лирического поэта за несколько лет счастливого труда».

Творческое задание № 2

Максимальное количество баллов за задание – 30

Последняя строчка

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы. Послушайте/посмотрите пример разбора одной строчки (<https://www.youtube.com/watch?v=rznLMpAqg54> – временной интервал 33.35 – 38.35).

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор последней строчки (она подчеркнута):

Строка из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»:

— Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудреная!.. Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны: приклад маленький, того и гляди, нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!

Потом он примолвил, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений.